

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.12

DOI: 10.17223/22253513/33/1

Т.Е. Грязнова, М.А. Бучакова

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ОСМЫСЛЕНИИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Раскрыты взгляды Б.Н. Чичерина, А.Д. Градовского, М.М. Ковалевского, Ф.Ф. Кокошкина, С.А. Котляревского и П.Г. Виноградова на понятие и цели местного самоуправления, принципы административной политики, обеспечивающие жизнеспособность данного института. Проанализирована интерпретация учеными исторически сложившихся систем местного самоуправления Англии, Франции и США, выявленных достоинств и недостатков формирующегося после реформ Александра II местного самоуправления в России.

Ключевые слова: местное самоуправление, Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский, М.М. Ковалевский, Ф.Ф. Кокошкин.

Вторая половина XIX в., как известно, подарила России целую плеяду выдающихся умов, оказавшихся способными генерировать идеи и концепции, во многом предопределившие ход развития не только нашего, но и мирового научного сообщества. Не случайно отечественная юриспруденция последнего десятилетия, сталкиваясь с массой не находящих однозначного решения проблем, все чаще обращается к теоретическому наследию своих либеральных предшественников. Местное самоуправление сегодня, как и сто пятьдесят лет назад, представляет вопрос, требующий серьезного теоретического осмысления, поскольку, будучи важнейшей формой реализации народного суверенитета, необходимым элементом политической системы общества, призванным если и не самостоятельно управлять, то хотя бы оказывать существенное влияние на управленческую политику как местной, так и центральной администрации, очевидно, не очень эффективно справляется со своей задачей.

Сразу заметим, что проблему местного самоуправления нельзя назвать приоритетным предметом исследований российских либеральных юристов конца XIX – начала XX в. Она интересовала ученых постольку, поскольку являлась неотъемлемой составляющей моделируемого ими идеала правового государства, немыслимого без формирования гражданского общества и его политической организации на основе институтов и принципов конституционализма. Так, согласно С.А. Котляревскому, «степень широты самоуправления в пределах данного государства есть один из самых главных

признаков того, насколько оно способно осуществлять принцип правового государства... местное самоуправление есть такая же необходимая предпосылка этого осуществления, как и конституционный строй» [1. С. 326–327].

Признавая, что местное самоуправление – это понятие в первую очередь политическое, российские исследователи задаются вопросом о его обусловленности той или иной формой правления и формой государственного устройства.

С точки зрения Б.Н. Чичерина, определенное местное самоуправление, в принципе, может иметь место при любой форме правления. Поэтому вряд ли можно согласиться с абсолютизацией значения данного института для политической свободы граждан. Тем не менее, будучи существенной опорой последней, местное самоуправление имеет «прямое отношение к образам правления», поэтому «то начало, которое преобладает в центре, должно преобладать и на местах» [2. С. 382], – убежден автор. В связи с этим развитие действительно широкого самоуправления – удел преимущественно демократических и аристократических республик. Подход Б.Н. Чичерина в целом разделяет А.Д. Градовский, согласно которому местное самоуправление, помимо прочего, является важным фактором «обеспечения господства данной государственной власти над всеми слоями и элементами народа и поддержания данного государственного порядка, т.е. определенной формы правления» [3. С. 21].

Проблема соотношения местного самоуправления и формы государственного устройства не находит среди российских либеральных юристов однозначного решения. Так, Б.Н. Чичерин и А.Д. Градовский подвергают обоснованному сомнению утвердившийся в юриспруденции подход, в рамках которого местное самоуправление ассоциируется с государственной децентрализацией. «Термины “децентрализация” и “самоуправление” не суть термины тождественные. Система децентрализации может быть совмещена с системой правительственной опеки и несколько не предполагает развития самоуправления» [Там же. С. 8], – отмечает по этому поводу А.Д. Градовский.

Признавая справедливым разграничение централизации политической и административной, авторы считают ошибочным разделяемый большинством российских и зарубежных современников взгляд А. Токвиля об исключительно негативном характере последней. «Административная централизация необходимо входит в состав каждого государства, как бы мало ни была развита была центральная власть» [2. С. 377], – утверждает Б.Н. Чичерин. «Местное самоуправление не может быть оторвано от общей администрации. Это части одного целого. Здесь необходима известная степень зависимости, но мера зависимости определяется существующими потребностями и состоянием общества» [4. С. 263], – констатирует он. Согласно Б.Н. Чичерину, независимо от формы государственного устройства центральная власть должна иметь право назначать местную администрацию или утверждать выборных населением представителей, осуществлять контроль над местными властями, утверждать наиболее значимые для госу-

дарства решения местной администрации, осуществлять общее руководство посредством законодательства.

Аналогичных взглядов придерживается А.Д. Градовский, убежденный в том, что вопрос о местном самоуправлении – это, по сути, вопрос об административной организации, которая представляет собой в равной степени результат как государственного законодательства, так и развития общества. «Каждый гражданин должен иметь право во всех местностях своего отечества найти однообразный юридический и административный порядок» [5. С. 112], – пишет автор. Более того, если органы местного самоуправления призваны отвечать требованиям государственного единства, то еще в большей мере они обязаны соответствовать единству национальному и культурному, подчеркивает он. Игнорирование этих требований чревато сепаратизмом, расцветом антигосударственных, антинациональных и антиобщественных сил.

Принципиально иной подход свойствен Ф.Ф. Кокошкину, рассматривающему местное самоуправление в качестве синонима административной децентрализации. Суть административной децентрализации заключается, по мнению автора, в организации в соответствии с государственным законодательством юридических лиц, обладающих выборными органами, наделенными управленческими функциями. Деятельность этих самоуправляющихся территориальных единиц не предопределяется, а лишь контролируется центральными государственными органами [6. С. 259].

Точкой соприкосновения вышеназванных подходов является, на наш взгляд, констатация факта отсутствия у органов местного самоуправления самостоятельной принудительной власти, независимо от того, насколько широк круг их полномочий. Сторонников теорий административной централизации и административной децентрализации объединяет трактовка местного самоуправления в качестве административных органов исполнительной государственной власти.

Административное самоуправление, по мнению российских либеральных юристов, проявляется в праве выбора населением представителей местной администрации, праве принимать общеобязательные для данной местности нормативные правовые предписания и устанавливать незначительные наказания за их нарушение, праве самостоятельно решать вопросы местного значения (управление и распоряжение имуществом, благоустройство территории, развитие образования, устройство благотворительных учреждений, решение продовольственных проблем и т.д.), праве формировать собственные органы для решения этих вопросов (чисто управленческие или обладающие принудительной властью), в возможности влиять на решение проблем общегосударственного значения (сбор налогов, обеспечение безопасности, контроль за соблюдением законов и т.д.) [2. С. 374–375, 379–381; 3. С. 7–8, 26–28, 30–32; 5. С. 75; 7. С. 502].

Необходимость делегирования органам местного самоуправления властных полномочий обусловлена невозможностью четкого разграничения местных и общегосударственных интересов, в связи с чем основные функ-

ции государства в той или иной мере неразрывно связаны с основными направлениями деятельности местных учреждений. Этим же обстоятельством объясняется убежденность российских юристов в необходимости контроля над ними со стороны центральной власти. «Чем более самоуправление ограничивается местными делами, тем более ему может быть предоставлено простора, и наоборот, чем более на него возлагается общих дел, тем более оно стесняется в своих действиях...» [2. С. 381], – констатирует Б.Н. Чичерин.

Общие принципы административной политики по отношению к местному самоуправлению российские либеральные юристы видят в следующем. Результаты выборов в местные представительные органы должны отражать реальное соотношение социальных сил и многообразие местных интересов, в связи с чем пропорциональные выборы в данной области наиболее предпочтительны. Преимущественное право голоса должно принадлежать тем членам местного сообщества, кто несет основное бремя налогов. «Соразмерность интереса с правами составляет весьма важное и слишком часто упускаемое из вида правило при устройстве местных учреждений» [7. С. 501], – отмечает, в частности, Б.Н. Чичерин. Необходимы взаимное уважение органов центральной государственной власти и местного самоуправления, решение спорных вопросов судебным порядком посредством должным образом устроенных судебно-административных учреждений. При наличии в стране политических партий следует по возможности предотвратить манипулирование общественным мнением, не допустить смещения центра тяжести с местных проблем на абстрактные общеполитические вопросы. Для этого российским правоведам представляются целесообразными учреждение безвозмездных должностей, обеспечение прав меньшинства, проведение выборов местного самоуправления отдельно от выборов в общегосударственные представительные учреждения. Наконец, подлинное местное самоуправление, по мнению отечественных ученых, может быть основано только на общей гражданской свободе при наличии формального равенства всех субъектов правоотношений.

Основные цели местного самоуправления российские исследователи видят в сглаживании социальных противоречий; единении власти с народом, управлении административными территориями согласно действительным местным интересам, нуждам и желаниям населения, формировании гражданской зрелости и самостоятельности – основы полноценной политической жизни [5. С. 71, 105–106; 7. С. 493–494, 539; 8. С. 820; 9. С. 334]. Наконец, «совокупность местных общественных учреждений представляет серьезные гарантии для повседневного и прочного господства закона» [5. С. 107], – подчеркивает А.Д. Градовский.

Реформы Александра II, по мнению отечественных юристов, знаменовали собой наступление «новой» эпохи в России. Сословный строй, давно выполнивший свое предназначение, уступил место свободе, открывшей простор для формирования гражданского общества. «Провозглашение всеобщей гражданской свободы есть знак, что общество созрело и может сто-

ять на своих ногах...» [10. С. 148], – пишет по этому поводу Б.Н. Чичерин. Именно «Александр II создал наше местное самоуправление» [11. С. 5], – констатирует М.М. Ковалевский.

Последовавший период реакции Александра III, подорвавший надежды либерально настроенной интеллигенции на скорейшее приобщение общества к политической жизни, на трансформацию самодержавия в соответствующую духу времени конституционную монархию, как никогда актуализировал поиск наиболее приемлемого пути легитимной борьбы с засильем бюрократической централизации. Убежденность в единстве исторического пути России и Запада способствовала фокусированию научных интересов российских юристов на изучении государственного строя и правовых систем флагманов конституционализма – Англии, Франции и США. Особое внимание к развитию местного самоуправления этих стран не в последнюю очередь связано с получившими во второй половине XIX в. большую популярность работами Р. Гнейста и Л. Штейна.

Разочарование в идеалах Французской буржуазной революции, с одной стороны, новый ракурс изучения английского парламентаризма – с другой, позволили Р. Гнейсту доказать, что подлинной основой и опорой политической свободы Англии является местное самоуправление – школа гражданского воспитания индивидов, институт подлинного единения общества и государства.

Л. Штейн, избрав в качестве критериев классификации степень разграничения предметов ведения центральных и местных органов и уровень самостоятельности последних, разделил все системы самоуправления на три типа. Так, для англо-американской системы, по мнению немецкого ученого, характерно жесткое размежевание общегосударственных и местных дел с предоставлением органам самоуправления всей полноты власти в решении своих вопросов. Французско-бельгийская система характеризуется, по Л. Штейну, гораздо менее выраженной дифференциацией направлений деятельности при наличии у местных сообществ исключительно совещательных полномочий. В Австрии имеют место различные системы самостоятельности органов самоуправления применительно к разным сферам деятельности.

Во многом соглашаясь с предложенной классификацией, либеральные представители российской юриспруденции считают данные критерии недостаточными для отражения всей полноты и специфики выработанных историей систем. А.Д. Градовский убежден, что главную роль в этом вопросе играет то, «в какой мере то или другое законодательство способствует образованию личности провинции» [5. С. 111], обозначив, по сути, проблему трактовки органов местного самоуправления в качестве юридических лиц, соответствующих конкретным правовым системам. Любопытно, что законченным процесс образования этих «личностей» исследователь находит только в Германии и России. Что касается Б.Н. Чичерина, то он в качестве основного критерия видит принцип формирования органов местного самоуправления, а именно соотношение выборных и назначаемых элементов.

Особое внимание отечественных юристов сосредоточено на местном самоуправлении Англии, поскольку именно это государство трактуется ими как «отечество» изучаемого института. В качестве характерных черт островной модели ученые выделяют активную гражданскую позицию высших и средних классов, подзаконный характер управления, безвозмездное выполнение обязанностей, сосредоточение судебной-полицейской власти в руках местного джентри, осуществляющего контроль за администрацией, слияние местного самоуправления с самоуправлением политическим, аристократический характер политической свободы [2. С. 411; 3. С. 17–30; 6. С. 229; 12. С. 271; 13. С. 378]. Именно эти исторически сложившиеся особенности местного самоуправления обусловили создание той политической системы, которая служит образцом свободы, права и закона, лежащих в основе парламентаризма.

Однако начиная с середины XIX в. эта уникальная система подверглась существенной трансформации, связанной с общей тенденцией демократизации западных стран, отмечают российские исследователи. По законам 1835, 1882, 1888 и 1894 гг. все местные учреждения стали формироваться на основе выборного начала; роль правительства была ограничена исключительно наблюдательными и контрольными функциями. Тем самым «областное управление в Англии постепенно приближается к тому типу, который господствует на европейском материке» [9. С. 317], – пишет Б.Н. Чичерин.

Что касается Франции, то она доказала, что «политические нравы и государственные люди могут вырабатываться помимо местных учреждений» [Там же. С. 314], – отмечает Б.Н. Чичерин. Этот вывод основан на тщательном изучении истории, являющей собой пример многовекового диктата центра над провинциями. Французская революция, по мнению российских юристов, не особо способствовала исправлению ситуации: чередование чрезмерной свободы с полным уничтожением самостоятельности отнюдь не могло привести к формированию авторитетных и сильных местных учреждений. В целом развитие конституционализма как магистральный вектор эпохи наложило отпечаток и на эволюцию европейского континентального самоуправления, в качестве основных тенденций которого авторы указывают расширение выборного начала и смягчение контроля со стороны центральной администрации.

Американские местные учреждения – это демократизированные английские, считают Б.Н. Чичерин и М.М. Ковалевский. Замена аристократического характера местного самоуправления демократическим, достойная оплата избранных населением представителей местной администрации при почти полном отсутствии контроля со стороны центральных органов позволили создать вполне жизнеспособную систему благодаря формированию центрального и местного представительства из числа сторонников победившей на выборах политической партии. Таким образом, управление федерацией и отдельными штатами строится на реализации единых программных положений, что существенно смягчает центробежные тенденции

и позволяет сохранить административную децентрализацию в разумных пределах [2. С. 409–410; 8. С. 793–820; 13. С. 375–384].

Взгляды отечественных мыслителей рубежа XIX–XX вв. на модель местного самоуправления, складывающуюся в России после реформ Александра II, далеко не однозначны. Б.Н. Чичерин убежден, что, несмотря на формирование всесословного гражданского общества, местную администрацию должны возглавлять люди, не только разбирающиеся в местных общественных интересах, но и обладающие способностью к управлению. Поэтому развитие местного самоуправления он связывает с деятельностью наиболее прогрессивных представителей дворянства под контролем (в силу переплетения местных и государственных предметов ведения) центральной администрации [2. С. 414; 4. С. 258–263; 9. С. 318; 10. С. 145–156].

Прямо противоположного мнения придерживается М.М. Ковалевский, убежденный в том, что дворянская монархия пронесла невредимым сословный строй сквозь реформы 1860-х гг. и еще более укрепила его позиции законами 1890 и 1892 гг. Этот факт в совокупности с сохранением давно изжившей себя формы правления, обеспечил торжество бюрократии над земским и городским самоуправлением [14. С. 108–112].

Наиболее обстоятельный взгляд на проблему местного самоуправления в России мы встречаем у А.Д. Градовского. Реформа 1861 г. как исходная точка всего современного развития в совокупности с реформами земской и городской, безусловно, была направлена на создание всесословного местного самоуправления. Однако цель эта, как отмечает автор, оказалась не достигнутой в силу целого ряда как объективных, так и субъективных причин.

Незавершенность крестьянской реформы, нерешенность тесно связанного с ней фабричного вопроса, практически полное отсутствие законодательства, регулирующего применение наемного труда, смешение предметов ведения органов местного самоуправления и правительственных учреждений как в земствах, так и в городах имели следствием не создание новой системы, а дисбаланс старой. Таким образом, «мы присутствуем при существовании двух систем и двух порядков учреждений» [15. С. 259], – констатирует А.Д. Градовский. Если прибавить к этому сохранившееся сословно-крестьянское самоуправление, то следует признать, что говорить о наличии у нас какой-либо единой и стройной системы местного самоуправления вряд ли возможно.

Что касается субъективных факторов, то здесь автор в первую очередь обращает внимание на пассивность русской интеллигенции, оторванной от народа, чуждой местному населению и его интересам. Немаловажное значение для формирования качественного управленческого аппарата играет материальный стимул, и в этом плане места в органах самоуправления не выдерживают конкуренции с гораздо более высокооплачиваемыми должностями в более доходных сферах деятельности, что приводит к комплектованию органов местного самоуправления по остаточному принципу – людьми далеко не первого и не второго «разбора». «Самоуправление возможно только в той стране, где люди смотрят на общественное служение,

как на естественное дополнение и последствие своего личного положения на местах... когда они идут на эти места вольно и непринужденно...» [15. С. 247–248], – пишет А.Д. Градовский. Только в этом случае местное самоуправление действительно станет фундаментом прогрессивного развития общества и государства, заключает автор.

В целом перспективы местного самоуправления в России отечественные юристы связывают с развитием тенденций, характерных для западноевропейских стран, что возможно лишь при условии завершения начатых в 1861 г. грандиозных преобразований – трансформации самодержавия в конституционную монархию, существенной демократизации законодательства, целенаправленного формирования высокого уровня правосознания и правовой культуры граждан.

Практически у каждого из рассматриваемых нами ученых мы встречаем понятие местного самоуправления, однако все они сводятся к одному аспекту – более или менее самостоятельному участию местных жителей в заведывании местными делами [2. С. 376; 3. С. 11; 8. С. 820]. Очевидно, что российским государствоведам присущ гораздо более широкий подход. Под местным самоуправлением они понимают основанные на началах народного представительства административные органы, обладающие полномочиями принимать общеобязательные для данной территории правовые предписания, под контролем центральной власти на основе закона самостоятельно решать вопросы регионального и общегосударственного значения в целях соблюдения местных интересов и нужд.

Говорить о формировании оригинальной российской либеральной теории местного самоуправления на рубеже XIX–XX вв., на наш взгляд, вряд ли представляется возможным. Собственно, такая задача учеными и не ставилась; главным для них были осмысление сущности данного института, оценка его достоинств и недостатков, поиск места в политической системе российского общества. Заслуживает внимания глубокая убежденность авторов в том, что жизнеспособность и эффективность местного самоуправления обусловлена не абстрактными экспериментами теоретизирующих законодателей, а особенностями исторического развития каждого конкретного народа, социальной структурой общества, формой государства, уровнем правосознания и правовой культуры граждан.

Литература

1. Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. СПб. : Мысль, 1915. 420 с.
2. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М. : Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1894. Ч. I: Общее государственное право. 484 с.
3. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1883. Т. III: Органы местного управления. 432 с.
4. Чичерин Б.Н. О земских учреждениях // Несколько современных вопросов. М. : Изд-во К. Солдатенкова, 1862. С. 249–264.
5. Градовский А.Д. История местного управления в России // Собрание сочинений А.Д. Градовского. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. II. 492 с.

6. Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2004. 312 с.
7. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М. : Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1898. Ч. III: Политика. 556 с.
8. Ковалевский М.М. Местное самоуправление в Америке в его историческом развитии // Вестник Европы. 1885. № 2. С. 793–820.
9. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. М. : Тип. П.П. Брискорн, 1883. Ч. II. 460 с.
10. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. 3-е изд. Берлин : Изд-во Гуго Штейнниц, 1901. 160 с.
11. Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. СПб. : Изд-во Н. Глаголева, 1908. 242 с.
12. Виноградов П.Г. Государственный строй Англии // Политический строй современных государств : сб. ст. М. : Беседа, 1905. С. 191–271.
13. Ковалевский М.М. Северо-Американские Соединенные Штаты // Политический строй современных государств: сборник статей. М.: Беседа, 1905. С. 272–400.
14. Ковалевский М.М. Из истории государственной власти в России. М. : Колокол, 1905. 112 с.
15. Градовский А.Д. Социализм на западе Европы и в России // Трудные годы (1875–1880) : очерки и опыты. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1880. С. 127–276.

Gryaznova Tatyana E., Buchakova Marina A., Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia (Omsk, Russian Federation)

LOCAL SELF-GOVERNMENT IN COMPREHENSION OF LIBERAL REPRESENTATIVES OF RUSSIAN JURISPRUDENCE OF THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES

Keywords: local self-government, B.N. Chicherin, A.D. Gradovsky, M.M. Kovalevsky, F.F. Kokoshkin.

DOI: 10.17223/22253513/33/1

Local self-government is considered by Russian lawyers as an integral part of the ideal of the legal state. Under local self-government, they understand the administrative bodies based on the basis of the national representation, which have the power to adopt generally binding legal regulations for the territory, under the control of the central authority on the basis of the law, to independently solve issues of regional and national importance in order to observe local interests and needs.

The main goals of local self-government are seen by Russian researchers in smoothing social contradictions; power with the people; administration in accordance with the actual local interests, needs and wishes of the population; formation of civil maturity and independence - the basis of full political life.

Administrative self-government, in the opinion of domestic lawyers, is manifested in the right of the population to choose representatives of the local administration; the possibility to adopt generally binding legal regulations for the area; the right to decide local issues independently and to form their own bodies; the solution of problems of national importance.

The belief in the unity of the historical path of Russia and the West contributed to focusing the interests of Russian lawyers on the study of the types of local self-government of the flagship of constitutionalism - England, France and the United States. The appearance of local self-government in Russia they are associated with the reforms of Alexander II. Prospects of domestic local self-government scientists see in development of democratic tendencies characteristic for Western European countries. This is possible only on condition of completion, begun in 1861 of grandiose transformations - transformation of autocracy into a constitutional monarchy, significant democratization of legislation, purposeful formation of a high level of legal consciousness and legal culture of citizens.

It is hardly possible to speak about the formation of the original Russian liberal theory of local self-government at the turn of the 19th and 20th centuries. Actually, this task was not set up by scientists; the main thing for them was to comprehend the essence of this institution, assess its merits and shortcomings, search for a place in the political system of Russian society. The authors' deep conviction that the viability and effectiveness of local self-government is due to the peculiarities of the historical development of each particular people, the social structure of society, the form of the state, the level of legal consciousness and the legal culture of citizens deserves attention.

References

1. Kotlyarevsky, S.A. (1915) *Vlast' i pravo. Problema pravovogo gosudarstva* [Power and law. The problem of the rule of law]. St. Petersburg: Mysl'.
2. Chicherin, B.N. (1894) *Kurs gosudarstvennoy nauki* [State Science]. Vol. 1. Moscow: I.N. Kushnerev i K.
3. Gradovsky, A.D. (1883) *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava* [The Beginning of Russian State Law]. Vol. 3. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
4. Chicherin, B.N. (1862) *Neskol'ko sovremennykh voprosov* [Some Modern Issues]. Moscow: K. Soldatenkov. pp. 249–264.
5. Gradovsky, A.D. (1899) *Sobranie sochineniy A.D. Gradovskogo* [Collected Works]. Vol. 2. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
6. Kokoshkin, F.F. (2004) *Leksii po obshchemu gosudarstvennomu pravu* [Lectures on General State Law]. Moscow: Zertsalo.
7. Chicherin, B.N. (1898) *Kurs gosudarstvennoy nauki* [State Science]. Vol. 3. Moscow: I.N. Kushnerev i K.
8. Kovalevsky, M.M. (1885) *Mestnoe samoupravlenie v Amerike v ego istoricheskom razviti* [Local government in America in its historical development]. *Vestnik Evropy*. 2. pp. 793–820.
9. Chicherin, B.N. (1883) *Sobstvennost' i gosudarstvo* [Property and State]. Vol. 2. Moscow: P.P. Briskorn.
10. Chicherin, B.N. (1901) *Rossiya nakanune dvadtsatogo stoletiya* [Russia on the Eve of the Twentieth Century]. 3rd ed. Berlin: Hugo Steinitz.
11. Kovalevsky, M.M. (1908) *Ocherki po istorii politicheskikh uchrezhdeniy Rossii* [Essays on the History of Political Institutions in Russia]. St. Petersburg: N. Glagolev.
12. Vinogradov, P.G. (1905) *Gosudarstvennyy stroy Anglii* [English political system]. In: Vinogradov, P.G. et al. *Politicheskii stroy sovremennykh gosudarstv* [The Political System of Modern States]. Moscow: Beseda. pp. 191–271.
13. Kovalevsky, M.M. (1905) *Severo-Amerikanskije Soedinennye Shtaty* [North American United States]. In: Vinogradov, P.G. et al. *Politicheskii stroy sovremennykh gosudarstv* [The Political System of Modern States]. Moscow: Beseda. pp. 272–400.
14. Kovalevsky, M.M. (1905) *Iz istorii gosudarstvennoy vlasti v Rossii* [From the History of State Power in Russia]. Moscow: Kolokol.
15. Gradovsky, A.D. (1880) *Trudnye gody (1875–1880): ocherki i opyty* [Difficult years (1875–1880): essays and experiments]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich. pp. 127–276.